

С Е Р И Я
П О Л И Т И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

ПЕРЕХЛЕСТ ВОЛНЫ

*Политическая логика Платона
и постнищенское преодоление
платонизма*

АЛЕКСЕЙ ГЛУХОВ

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2014

УДК 16
ББК 87
Г55

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Рецензент
профессор НИУ ВШЭ
МИХАИЛ МАЯЦКИЙ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Глухов, А. А.
Г55 Перехлест волны. Политическая логика Платона и постницшеанское преодоление платонизма [Текст] / А. А. Глухов; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 584 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1078-0 (в пер.).

Исследование А. Глухова посвящено политической логике древнегреческого философа Платона и рецепции платонизма в XX в. среди мыслителей-постницшеанцев (М. Хайдеггер, Х. Арндт, Л. Штраус, М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида). В книге предлагается ряд новых методов историко-философского анализа, дается типология политического мышления в континентальной и аналитической традициях, приводится обзор новейших тенденций в изучении античного политического бытия, предлагается сквозной и подробный комментарий к «Государству» Платона, рассматриваются ключевые антиплатонические тексты постницшеанцев, сыгравшие ключевую роль в становлении континентальной философии в XX в. Автор формулирует основную политическую проблему — взаимная непереводаемость языков свободы и справедливости, — сохраняющую силу на протяжении всей истории европейской мысли.

Книга адресована студентам старших курсов и аспирантам философского факультета, профессиональным исследователям политической теории, а также всем, кто интересуется историей становления, актуальными проблемами и перспективами развития современной философской и политической мысли.

УДК 16
ББК 87

ISBN 978-5-7598-1078-0

© Глухов А.А., 2014
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	11
I. ЛОГИКА СВОБОДЫ И ЛОГИКА СПРАВЕДЛИВОСТИ	
ПОСТНИЦШЕАНСКАЯ ВОЛНА	13
Мышление «после Ницше»	15
«Преодоление платонизма»	18
Трансгрессивность волны	20
Спектральный расклад	26
ДВЕ ЛОГИКИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ.....	28
КОНСТРУКЦИЯ И ФОРМУЛЫ «ПЛАТОНИЗМА»	31
РАСЩЕПЛЕНИЕ ЛОГОСА: МАРКИРОВКА, ВОПРОС, ЭЗОТЕРИЗАЦИЯ	37
ФОРМАЛИЗМ РАЗЛИЧИЯ.....	42
АСИММЕТРИЧНАЯ РАЗМЕТКА ПОЛИТИЧЕСКОГО.....	49
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ	60
Отказ от иерархий	61
«Политика дружбы»	70
Эзотеризм	73
ВРЕМЯ, ИСТОРИЯ, СОБЫТИЕ	77
ИНТЕНСИВНАЯ И «ГОЛАЯ» ЖИЗНЬ	84
СВОДКА: ТЕРМИНОЛОГИЯ, ОСНОВНАЯ ГИПОТЕЗА	90
ПРИЛОЖЕНИЕ. ПОППЕР И АНАЛИТИЧЕСКИЙ АНТИПЛАТОНИЗМ	99
II. «ПОЛИТИКА, КАК ЕЕ ПОНИМАЛИ ГРЕКИ»	
МНОГООБРАЗИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО.....	118
«ПОЛИТИЧЕСКОЕ БЕЗ ПОЛИСА».....	120
Колонизация	124
Автохтонность	130
Этногенез.....	131
Эллины и варвары	134
Религия	136
ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ НОМОС	139
Неформализованность права.....	141
Приоритет устной речи, специфика судопроизводства	143
Афинская политика и логики законотворчества	146

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СЛОВО	150
Мифы	152
Драма и перформанс	153
Поэзия, история и риторика	155
Знание и искусства	156
Режим настоящего. Сильные позиции политических логик	157
ФИЛОСОФИЯ КАК ВЛАСТЬ-ЗНАНИЕ	159
СОФИСТИЧЕСКАЯ АНТИТЕЗА ПРИРОДА/ЗАКОН	173
ПОЛИТИКА КОНЦА V В. ДО Н.Э.	182
СУД НАД СОКРАТОМ	188
ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ ПЛАТОНА	191

III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА ПЛАТОНА

СОЧИНЕНИЯ РАННЕГО И СРЕДНЕГО ПЕРИОДОВ.	205
«Апология Сократа»	206
«Горгий».	210
«Менексен»	232
«Протагор».	236
«Менон».	242
«Кратил»	245
«Алкивиад» I	247
«Евтифрон»	250
«Федон»	252
«Пир»	258
«Федр»	270
«Теэтет»	285
«Гиппий больший»	287
ЭЛЕМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ	289
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «ГОСУДАРСТВА»	299
Название	299
Редакции	302
Участники	304
Время и место действия	306
«Старый порядок»	309
<i>Кефал</i>	311
<i>Полемарх</i>	312
<i>Фрасимах</i>	316

Освобождение и новое начало	326
<i>Радикальная постановка проблемы справедливости</i>	328
<i>Аналогия между человеком и полисом</i>	335
<i>«Первый набросок». Спасение нормальности</i>	338
<i>«Второй набросок». Спасение политического</i>	343
<i>Воспитание стражей</i>	346
<i>Территория и экономика. «Честная ложь»</i>	354
<i>Торжество геометрической справедливости</i>	360
Эротическая трансгрессия.	363
Философская власть. «Новый порядок». Режим настоящего	374
<i>Ответ Главкону: философская справедливость</i>	376
<i>Ответ Адиманту: философская суверенность</i>	379
<i>Идея блага. Символы Солнца и линии. Перехлест волны</i>	382
<i>Символ пещеры. Воспитание философа.</i>	393
Метаморфозы политических «режимов»	402
Чистые удовольствия	408
«Древнее различие между философией и поэзией»	410
Финальный миф: торжество «платонизма»	415
Осуществимость Каллиполиса.	416
Темпоральность политики.	423

IV. ПРЕОДОЛЕНИЕ ПЛАТОНИЗМА

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР. «УЧЕНИЕ ПЛАТОНА ОБ ИСТИНЕ»	429
Этимологический аргумент	430
«Платонический момент»	433
«Несказанное в его сказанном»	435
Маркировка речи и постановка субверсивного вопроса	450
ХАННА АРЕНДТ. «ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИКА»	453
Движение первое: эстетизация политического	455
Движение второе: скрытая политизация и политика дружбы.	465
Движение третье: элиминация политического	468
Движение четвертое: неуместное вмешательство философии	470
Новая интерпретация символа пещеры	472
«Пафос» философии	475
Финальные выводы.	478
Свобода и суверенность (эссе «Что такое свобода?»).	484
«Лекции по политической философии Канта».	486
«Платонизм» и реализм в мышлении Арендт	487

ЛЕО ШТРАУС. «ПРОБЛЕМА СОКРАТА» / «“ГОСУДАРСТВО” ПЛАТОНА»	494
ЖИЛЬ ДЕЛЕЗ. «ПЛАТОН И СИМУЛЯКР»	509
ЖАК ДЕРРИДА. «ФАРМАЦИЯ ПЛАТОНА»	520
МИШЕЛЬ ФУКО. «УПРАВЛЕНИЕ СОБОЙ И ДРУГИМИ» (I–II)	536
Первая часть курса: «Управление собой и другими» (1982/1983 г.)	537
Вторая часть курса: «Мужество истины» (1983/1984 г.)	547
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 563
 БИБЛИОГРАФИЯ	 567

Моим учителям

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нынче ветрено и волны с перехлестом ...

И. Бродский

Эта книга о свободе и справедливости, о двух языках политической мысли, которые не поддаются взаимному переводу, что очевидно доказывает опыт XX в. Нужно быть в отчаянном положении, чтобы в поисках решения главной политической проблемы эпохи обратиться к текстам Платона, античного философа, жившего две тысячи лет назад, — но именно в этом состоит наш план.

Четыре главы этой книги составляют четыре части единого аргумента. В первой главе выделяются две фундаментальные логики политической реальности, на основе которых философы и политические мыслители прошлого столетия создали два языка мышления — язык свободы и язык справедливости. Заговорив на двух языках, философия разделилась на два обособленных направления: на европейскую («континентальную») и англо-американскую («аналитическую»). Каждое направление предлагает свое толкование политического бытия. Удивительно, но, несмотря на межконтинентальную схизму, большинство мыслителей XX в. объединяло нечто общее: они сходились в нелюбви к метафизике и к Платону. Мы считаем эту констелляцию роковой. Протагонисты свободы отвергали платоновскую справедливость, а защитники справедливости критиковали платоновский произвол. Эта парадоксальная ситуация длилась не меньше века, и никто не видел в этом ничего странного лишь потому, что языки свободы и справедливости не встречались между собой. Мыслители обоих направлений выносили свои антиплатонические вердикты, повернувшись к конкурентам спиной. Сегодня наш шанс (именно наш, а не древнего грека, имя которого давно вошло в историю) вновь заговорить на языке мысли, которой не чужды ни свобода, ни справедливость, связан с новым прочтением текстов Платона, свободным от догматизма предшествующего столетия.

Каким образом развивается схематизм мышления, даже вопреки ясной воле своих создателей, в главе I показывается на примере представителей постнищешанской волны. В типологическом обзоре политической логики М. Хайдеггера, Х. Арндт, Л. Штрауса, Ж. Делеза, Ж. Деррида и М. Фуко выделяются элементы *языка свободы*. Если читатель прекрасно знаком с этими мыслителями либо, напротив, считает неуместным пристальное внимание к современности в книге о Платоне, то рекомендуется сразу перейти к терминологической *сводке* в конце главы. Там же формулируется *основная гипотеза* нашего исследования. В приложении к главе указываются важнейшие особенности аналитической критики платонизма.

Глава II также до определенной степени носит подготовительный характер, однако без нее невозможна последующая интерпретация. Овладев языком свободы, но не воздав должное языку справедливости (в данном случае — научной), мы были бы обречены на повторение постницшеанских догм о Платоне. Становление современной исторической науки об античном политическом бытии можно трактовать как движение справедливости, индуцируемое волновым фронтом континентальной мысли. Именно оно открывает нам глаза на Платона как на философа свободы.

Но то, что в истории дисциплины происходит по воле времени, мы обязаны увидеть как задачу политического мышления, которую ставит и решает Платон в «Государстве». Поэтому в главе III предлагается интерпретация этого диалога, а также некоторых сочинений раннего и среднего периодов, входящих в платоновский корпус. Подвергается проверке гипотеза о том, что объявленный враг свободы — «платонизм» — в момент своего возникновения в текстах Платона не только говорит на языке свободы, но даже осмеливается на суверенные положения и решение проблемы свободы и справедливости, что совершенно табуируется либо игнорируется современными мыслителями свободы.

Наконец, в главе IV после ниспровержения догмы о том, что язык свободы и язык Платона взаимно несовместимы, происходит ряд встреч с платонизмом на враждебной ему территории — в образцовых антиплатонических текстах XX в.

Общенье «свободных умов» приносит удивительные плоды. Политическая реальность непостижима чисто логически, а враг свободы не локализуем в имени. Изобретая идею платонизма, постницшеанцы поступают как создатель «идей»: они вводят в речь некоторую «сильную позицию», «тиранию разума», которая политизирует имманентную логику свободы своей варварской трансцендентностью. Благодаря этому искусственному приему достигается «реальность философии», а логика свободы становится мышлением о свободе. Лишь в условиях сопротивления, риска и испытания, в условиях политики, реализуется правдивая речь о свободе. Но только тот, кто свободен, может быть справедлив.

Мне хотелось бы посвятить эту книгу моим учителям и поблагодарить за критические замечания, дружеские рекомендации и благожелательную поддержку при защите диссертации и завершении этого исследования Ю.А. Шичалина, А.А. Столярова, А.В. Михайловского, сотрудников сектора античной и средневековой философии и культуры ИФ РАН Г.В. Вдовину, В.П. Визгина, С.В. Месяц, В.В. Петрова, А.А. Россиуса, А.В. Серегина.

Я чрезвычайно признателен И.А. Протопоповой (РАШ РГГУ), Д. Кралечкину (Московский философский колледж), К. Голубович и О. Никифорову («Рабочий университет», lettera.org) за возможность проведения семинарских занятий и лекционных курсов, которые стимулировали мои поиски и легли в основу предлагаемого текста.

I. Логика свободы и логика справедливости

ПОСТНИЦШЕАНСКАЯ ВОЛНА

Воля и волна. Как жадно подступает эта волна, словно рассчитывая достичь чего-либо!.. Но уже надвигается другая волна, более ненасытная и дикая, чем первая, и вновь душа ее, казалось бы, исполнена тайн и прихотей кладоискателя. Так живут волны — так живем мы, волящие!.. Вы не доверяете мне? Вы сердитесь на меня, вы, прекрасные чудовища? Бойтесь, что я выдам всю вашу тайну? ... я знаю вас и вашу тайну, я знаю ваш род! Вы и я, мы ведь одного рода! Вы и я, у нас ведь одна тайна!

Ницше Ф. Веселая наука, 310

Фридрих Ницше определял свою философию как «перевернутый платонизм»¹. Для философов, ориентировавшихся на Ницше, мысливших «после Ницше», т.е. для постницшеанцев, антиплатонизм — фундаментальная черта и задача мысли, в основе которой лежит особая логика — *логика свободы*. В главе I перечисляются типологические элементы и трудности этой логики. В финале главы указываются некоторые особенности соперничающей с ней *логики справедливости*. В борьбе этих логик конституируется политическая реальность. После прояснения конституции политического, о которой говорит нам XX в., проясняется и проблема, поставленная и решаемая Платоном в своей «конституции» справедливого полиса. Если не овладеть этими двумя логиками, платоновская проблема останется скрытой от нас, подданных режима настоящего, живущих в тени прошлого.

Выявление типичных черт логики свободы на первый взгляд проблематично. Именно постницшеанцы внесли решающий вклад в критику классических категорий историко-философского анализа («традиция», «история», «субъект» и т.д.). Для напоминания об этом за их движением мысли закрепляется название «волна». Постницшеанскую волну пред-

¹ «Моя философия — это перевернутый [umgedrehter] платонизм» (Nietzsche F. Kritische Studienausgabe [KSA]. Bd. 7, 7[156]. S. 199).

ставляют Мартин Хайдеггер, Лео Штраус, Ханна Арендт, Мишель Фуко, Жиль Делез, Жак Деррида, а также многие другие. Интеллектуальные связи и взаимовлияния в этой среде хорошо изучены, но вести речь о традиции, наследовании взглядов и установок можно лишь с оговорками. После Фуко невозможно останавливаться лишь на отдельных позициях широкого волнового фронта. После Ницше индивидуальные позиции, если принимаются во внимание, становятся поворотной точкой, выражением сверхиндивидуальной силы. Термин «волна» не простая замена термина «традиция». Традиция сама по себе нейтральна, в связи с ней корректно вести речь о чисто философской традиции, не престапающей границы отведенного ей сегмента истории культуры. Волна же накатывает широким фронтом, даже если в ней различимы отдельные гребни. Волна субверсивна и креативна, она преобразует ландшафт. В широком смысле волна есть революционный поток, политическое движение, трансверсально вовлекающее в перемену все сферы культуры, все страты общества. Термин «движение» предлагает такие же возможности для описания постницшеанской мысли, что и термин «волна». Мы употребляем их в качестве синонимов. Оба термина встречаются в ключевых текстах, рассматриваемых ниже. Вот несколько показательных примеров. Хайдеггер в лекционном курсе «О сущности истины» говорит об интеллектуальных и мировоззренческих течениях / потоках (*gedankliche und weltanschauliche Strömungen*)², к которым относится, например, марксизм (и, как замечает лектор, без платоновского учения об идеях не было бы марксизма). Греческие истоки «волны» — это, во-первых, ῥεύμα, «поток», важное слово в «Государстве», где говорится о «потоках желания» стражей и философов. Во-вторых, знаменитая κύμα, «волна», накатывающая снова и снова в ответ на все более смелые предложения Сократа в книге V. Кульминация антисократических волн — τρικυρία — третий, самый опасный вал, яростно вздымающийся после требования Сократа сочетать философию и политику (V 472–473). Тактика Сократа необычайно двусмысленна: он отважно спасает свой логос от волн, которые сам же инициирует. Постницшеанская волна — конечно же отголосок полемических волн, бушующих в «Государстве». Наконец, мы подошли к важнейшей ассоциации, связывающей наше исследование с этим понятием. Арендт замечает о вынесенном в эпиграф данной главы афоризме Ницше «Воля и волна»:

² Heidegger M. Vom Wesen der Wahrheit // Gesamtausgabe [GA]. Bd. 36–37. S. 151. Ср. использование термина «движение» в том же курсе при интерпретации «символа пещеры» из «Государства» Платона: «Освобождение происходит не без насилия (βίαι). Поэтому человек, если он хочет знать, кто он, должен в этих вопросах прийти в движение и смятение» (Ibid. S. 176).

І. ЛОГИКА СВОБОДЫ И ЛОГИКА СПРАВЕДЛИВОСТИ

Две разные вещи, которые сводятся вместе в ницшевской метафоре, не просто похожи друг на друга, но для Ницше они идентичны; «секрет», которым он так гордится, заключается именно в его знании этой идентичности. Воля и волна — одно и то же, и можно даже предположить, что опыт волящего эго заставил Ницше обратить внимание на бурное море³.

Термин «волна» с неизбежностью ввергает нас в головокружительную проблематику воли, произвола, спонтанной или аномальной свободы.

МЫШЛЕНИЕ «ПОСЛЕ НИЦШЕ»

Формально вопрос о принадлежности мыслителя к постницшеанской волне решается по двум критериям: 1) влияние Ницше, т.е. постницшеанство; 2) верность поставленной Ницше задаче «преодоления платонизма», т.е. антиплатонизм. Ниже показывается, насколько указанные мыслители соответствуют этим критериям. Примером сходной типологии служит книга К. Цукерт «Платоны Постмодерна: Ницше, Хайдеггер, Гадамер, Штраус, Деррида»⁴. Автор оправдывает название своего исследования тем, что, во-первых, возвращение к Платону стало для каждого из этих философов способом конституирования своей мысли; во-вторых, возвращение к Платону осуществляется с позиции Постмодерна, т.е. с убеждением, что проект Модерна, фундированный в том числе философией Платона, закончился. Предлагаемая ниже типология, на наш взгляд, позволяет поставить и решить более радикальные проблемы, связанные с подобным возвращением. Мы начнем с персональных отношений к Ницше и Платону, чтобы затем перейти к типологическим обобщениям.

Штраус признавался, что в 20-е годы «верил буквально всему, что написал Ницше»⁵. Перелом в отношении Штрауса к Ницше и к Модер-

³ Ницше Ф. Веселая наука. 310 / Пер. К. Свасьяна // Собр. соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1990. С. 642; Arendt H. *Willing* // *The Life of Mind*. Vol. 2. San Diego; NY; L.: A Harvest Book, 1978. P. 165.

⁴ Zuckert C. *Postmodern Platos: Nietzsche, Heidegger, Gadamer, Strauss, Derrida*. University of Chicago Press, 1996. Автор рассматривает «волну», скорее, как философский, а не политический феномен. Другой пример: *Kalyvas A. Democracy and the Politics of the Extraordinary: Max Weber, Carl Schmitt, and Hannah Arendt*. Cambridge University Press, 2008. Автор выявляет типологию в том, как Х. Арентдт, К. Шмитт (и М. Вебер) размышляют об «экстраординарной» политике.

⁵ Письмо 1935 г. к Карлу Левиту (Цит. по: Zuckert C., Zuckert M. *The truth about Leo Strauss: political philosophy and American democracy*. The University of Chicago Press, 2006. P. 32). «Ницшеанское наследие» Штрауса замечают как его противники, так и последователи, см.: *Drury Sh. The Political Ideas of Leo Strauss*. Palgrave Macmillan, 2005; *Lampert L. Leo Strauss and Nietzsche*. Chicago: University of Chicago Press, 1996. О Штраусе на русском языке см., например:

ну в целом возникает в полемике с К. Шмиттом⁶; а после войны Штраус пишет уже о политической безответственности Ницше⁷. Хайдеггер в 1930–1940-е годы читает несколько курсов о Ницше, где утверждает его ключевое место в академической традиции в качестве величайшего мыслителя Модерна, радикального метафизика, а не просто «философа-поэта» (*Dichterphilosoph*), т.е. проповедника необязательной и нестрогой «философии жизни»⁸. Эти курсы затем превратились в двухтомник «Ницше» (1961), ставший стимулом для развития еще двух «постницшеанских» проектов — герменевтики Гадамера и деконструкции Деррида. В 80-е годы по поводу хайдеггеровской интерпретации Ницше между этими мыслителями возникла методологическая полемика⁹. Кроме того, Деррида посвящает Ницше отдельную книгу: «Шпоры: стили Ницше» (1978)¹⁰.

Арендт весьма зависима от хайдеггеровской интерпретации истории мысли, где Ницше отводится ключевая роль. Казалось бы, взгляды Арендт, автора важнейшей критики нацизма в XX в., не могут быть совместимы с философией Ницше. Но Арендт не занимает просто «сторону слабых», она всегда встает на сторону «активной силы», пусть даже терпящей поражение. Пассивность жертвы лишь дополняет пассивность палача: за неспособность к преодолению банальности Арендт осуждает

Руткевич А.М. Политическая философия Л. Штрауса // Штраус Л. О тирании. СПб., 2006. С. 7–38.

⁶ См. рецензию Штрауса на работу К. Шмитта «Понятие политического» (*Strauss L. Notes on Concept of the political // Schmitt C. Concept of the political. Cambridge University Press, 1996*).

⁷ «Взяв на себя огромную политическую ответственность, он не смог показать своим читателям путь к политической ответственности. Он не оставил для них иного выбора, кроме выбора между безответственным безразличием к политике и безответственными политическими альтернативами. Так он подготовил режим, который, покуда существовал, заставил вспоминать о дескредитированной демократии как о золотом веке». (*Strauss L. An introduction to political philosophy. Wayne State University Press, 1989. P. 57.*) В последней фразе содержится цитата из VII платоновского письма.

⁸ См. «Nietzsche als metaphysischer Denker», в т. I книги о Ницше (*Heidegger M. GA 6.1*). Уже в своем раннем лекционном курсе 1922 г. Хайдеггер расставляет приоритеты: «Внимания заслуживают: Ницше, Бергсон, Дильтей» (*Heidegger M. GA 61. S. 80*).

⁹ См.: *Dialogue and deconstruction: the Gadamer-Derrida encounter / Ed. D. Michelfelder, R. Palmer. SUNY Press, 1989*.

¹⁰ Ср.: «Деррида близок к Ницше, но он не ницшеанец». *Автономова Н.* Деррида и грамматологии // Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. С. 56–57. Деррида как тип мыслителя, вполне возможно, одна из «догадок» Ницше, а именно крайне пессимистическая догадка о том, что человеческая жизнь не интенсифицируема.

не только Эйхмана, но и обитателей гетто. «Банальность» в любом случае — «зло». В утверждении о виновности жертв Арендт — совершенная нищанка, как и в том, что она не стесняется «несвоевременности» своих размышлений¹¹. Учение Ницше о «вечном возвращении» составляет важный контекст для понимания главной темы поздних работ Арендт — теории политического суждения¹². Арендтовская критика платонизма как теоретического образа жизни очевидно восходит к «Рождению трагедии из духа музыки»¹³.

Одновременно с книгой Хайдеггера о Ницше (1962) во Франции выходит ранняя книга Делеза «Ницше и философия»¹⁴, где — совершенно независимо от инициативы Хайдеггера — философия Ницше интерпретируется с максимальной серьезностью. Делез методично разбирает и приводит в боевое состояние весь концептуальный арсенал Ницше. Наконец, Мишель Фуко определяет собственный критический метод, «археологию», через отношение с ницшевской «генеалогией» идей¹⁵.

¹¹ См. работы о полемике Арендт с Гершомом Шоломом и антиарендтовское послесловие Э. Зуроффа в издании: *Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме*. М.: Европа, 2008.

¹² «Одна и та же структура мысли вдохновляет концепцию суждения Арендт и концепцию вечного возвращения Ницше» (*Бейнер Р. Ханна Арендт о суждении // Арендт Х. Лекции по политической философии Канта*. С. 237). Арендт нередко обращается к Ницше для ориентации в историческом движении философии. Например, с его помощью она сводит развитие европейской мысли после Декарта к формуле «школа подозрения к чувству». См.: *Arendt H. Between Past and Future*. NY: The Viking Press, 1961. P. 55.

¹³ Ср.: «... достаточно опознать в <Сократе> тип неслыханной до него формы бытия, тип теоретического человека... Теоретический человек не менее, чем художник, находит удовлетворение в наличной действительности и, как последний, огражден этим чувством довольства от практической этики пессимизма и от его зорких линкеевых глаз, светящихся лишь во тьме... теоретический человек радуется сброшенному покрову и видит для себя высшую цель и наслаждение в процессе всегда удачного, собственной силой достигаемого разоблачения» (*Ницше Ф. Рождение трагедии*. 15).

¹⁴ В 1965 г. выходит еще одна книга Делеза «Ницше» — об истории этих изданий и связанных с ними дискуссий (в частности, о коллоквиуме в Руайомоне). См.: *Фокин С.Л. Делез и Ницше // Делез Ж. Ницше*. СПб.: Аксиома; Кольна, 1997. С. 143–186. Делез и Фуко возглавляли новое издание полного собрания сочинений Ницше на французском языке.

¹⁵ См. работы: «Ницше, генеалогия, история» (1971) и «Введение» в «Археологию знания» (1969). См. также интервью «Critical Theory / Intellectual History» (*Foucault M. Politics, philosophy, culture*. Routledge, 1988. P. 23–24, 31–33), где Фуко объясняет, что во французской мысли интерес к Ницше возникает в ходе решения вопроса о том, есть ли история не только у разума, но и у субъекта, т.е. в преодолении горизонта феноменологии.

В одном из последних интервью Фуко откровенно признается в своем ницшеанстве, а также в сильной зависимости от мысли Хайдеггера¹⁶. Сказанное о персоналиях позволяет перейти к обобщениям. Вот, например, как филолог-классик М. Леонард резюмирует двусмысленное положение послевоенного французского ницшеанства:

Парадокс французской интеллектуальной истории состоит в том, что именно Ницше приобрел в ней статус прогрессивного радикала после Второй мировой войны — войны, которая свидетельствует о самой насильственной идеологической апроприации творчества этого философа. Рецепция Ницше образует важнейший фон для диалога с [греческой] трагедией и платоновской философией в послевоенной мысли¹⁷.

«ПРЕОДОЛЕНИЕ ПЛАТОНИЗМА»

Ницше ставит перед «новой философией» задачу «преодоления платонизма»¹⁸. И, как правило, его последователи настроены антиплатонически.

Делез — образцовый пример ницшеанца, педантично преданного решению задачи «преодоления платонизма» (см. приложение «Платон и симулякр» в книге «Логика смысла»). Платоник Бадью даже замечает с досадой: «Делез твердит без конца, что “низвержение платонизма” — это долг современной мысли»¹⁹. Хайдеггеровское увлечение Ницше развивается параллельно с постоянным обращением к теме истины у Платона. Но за вычетом краткого, пусть и головокружительного ректорского периода, когда Хайдеггер был ангажированным платоником, его финальное слово о Платоне читается почти как обвинительный приговор (см.

¹⁶ «Я просто ницшеанец и пытаюсь, насколько возможно, в определенных случаях с помощью текстов Ницше — но также с помощью антиницшевских тезисов (которые тем не менее ницшевские!) — увидеть, что может быть сделано в той или иной области. Я не стремлюсь делать ничего другого, но это я пытаюсь сделать хорошо ... Я пытался читать Ницше в 50-х, но Ницше сам по себе ничего мне не говорил. Другое дело Ницше и Хайдеггер — вот это был философский шок». (Цит. по: *Sluga H. Foucault's Encounter with Heidegger and Nietzsche // The Cambridge companion to Foucault. Cambridge, 2005. P. 210–211*). Сравнительный анализ взглядов Фуко и Хайдеггера см. также в: *Milchman A., Rosenberg A. Foucault and Heidegger: critical encounters. University of Minnesota Press, 2003.*

¹⁷ *Leonard M. Athens in Paris: ancient Greece and the political in postwar French Thought. Oxford University Press, 2005. P. 165.* Ср. критику «французских ницшеанцев» в финале книги: *Декомб В. Современная французская философия. М., 2000. С. 178–182.*

¹⁸ См. введение к книге Ницше «По ту сторону добра и зла» (*Ницше Фр. Собрание сочинений. В 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1990*).

¹⁹ См. *Бадью А. Делез. Шум бытия. М., 2004. С. 24.*

«Учение Платона об истине», «Конец философии»)²⁰. С догматичностью, достойной Делеза, утверждает антиплатонизм и Арендт. Она критикует «теоретический образ жизни» философа и обвиняет Платона в уничтожении политики — «как ее понимали греки». При этом явные фавориты Арендт — Сократ и Аристотель, т.е. «философский отец» и «философский сын» Платона²¹. Деррида создает один из самых известных антиплатонических текстов XX в. — «Фармация Платона». Одновременно это и манифест собственной стратегии философского чтения — деконструкции. Случай Штрауса самый запутанный и на первый взгляд представляет собой исключение. Выше упоминалось увлечение молодого Штрауса сочинениями Ницше в 1920-е годы. Но его интерес к Платону возник еще раньше. Вероятно, свой опыт прочтения платоновских сочинений, без суфлерских подсказок Ницше, оказался для Штрауса определяющим. Эти запутанные факты из его биографии не аномалия, нарушающая стройную типологию постницшеанцев, но намек на сложное переплетение линий Ницше и Платона. Постницшеанский догматизм запрещает даже рассматривать такую возможность. Штраус и его американские ученики энергично ее разрабатывали. Он вспоминает о годах юности: «Когда мне было 16 лет и мы читали в школе диалог “Лакхет”, мне хотелось провести остаток дней за чтением Платона и разведением кроликов, зарабатывая на жизнь работой сельского почтальона»²². Почтовая служба не прославила имя Штрауса, но его юношеская мечта отчасти осуществилась. Недаром посмертное издание его работ было названо «Исследования по платоновской политической философии»²³. Несмотря на безупречную лояльность по отношению к Платону, Штраус разошелся с ним в важнейшем пункте, который имеет решающее значение для нашего исследования. Штраус отказался принять всерьез центральные книги «Государства». В итоге он все-таки преодолел платонизм, пусть даже столь оригинальным способом. Не менее своеобразно Штраус преодолел и Ницше, продемонстрировав, что для политической жизни греков комедия была важнее трагедии²⁴.

²⁰ Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Время и бытие. 1993; Heidegger M. Das Ende der Philosophie und die Aufgabe des Denkens // GA. Bd. 14.

²¹ См. главу IV. В предпочтении Аристотеля Платону Арендт следует Хайдеггеру, однако ее самостоятельная аргументация в пользу этого выбора (в пользу политики против философии) содержит основания для критики самого Хайдеггера.

²² Цит. по: Zuckert C., Zuckert M. The truth about Leo Strauss. P. 27.

²³ Strauss L. Studies in Platonic Political Philosophy. University of Chicago Press, 1985.

²⁴ См. раздел о Штраусе в главе IV.

ТРАНСГРЕССИВНОСТЬ ВОЛНЫ

Волна непредставима и непредставлена, она — антирепрезентативна. Формальный смысл этого «анти-» обсуждается ниже, пока достаточно того, что волна избегает субъективации и успешно уклоняется от юридической точности. Волна диффузна, она недостаточна и избыточна, «большое и малое», своенравное порождение Пороса и Пении, божественный младенец из «Пира». Волна *представлена* в этой книге перечисленными выше мыслителями, но это не столько список имен, сколько список лакун²⁵. В него следовало бы внести, например, Ханса-Георга Гадамера, испытавшего в юности влияние Ницше²⁶, посещавшего лекции Хайдеггера вместе со Штраусом и Арендт и полемизировавшего с Деррида о хайдеггеровском Ницше. Гадамера нет в этом списке не потому, что он, как Штраус, платоник, написавший среди прочего книгу о платоновском «Филебе»²⁷, а в силу его слабо выраженного интереса к политике. Гадамер прочитывает «Государство» как воспитательную инициативу. Не менее достойные имена: Э. Левинас, Р. Барт, Ж.-Л. Нанси, Ф. Лаку-Лабарт... Однако *любое* представление волны принципиально ущербно. Отсутствие той или иной фигуры не меняет имперсональную *типологию*²⁸. Когда ниже говорится о типологических особенностях постницшеанской волны, это значит, что приведенные высказывания или интуиции типичны для большинства постницшеанцев. При этом они могут не распространяться на всех сразу или кого-то в отдельности²⁹. Волна недостаточна и одновременно избыточна, поэтому ее типовые черты встречаются также у мыслителей, не относящихся к волне по формальным критериям. Референтная фигура такого рода —

²⁵ Ср.: «этот список нельзя закрыть», — пишет Деррида о потенциальных заменах своего ведущего термина «деконструкция» (*Деррида Ж.* Письмо к японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4).

²⁶ См. *Gadamer H.-G. Selbstdarstellung // Gesammelte Werke. Bd. 2. S. 481–483.* Гадамер обобщает первоначальный философский импульс, полученный от Хайдеггера: «Хайдеггер объяснил нам, что значит Ницше» (S. 423).

²⁷ *Гадамер. Х.-Г.* Диалектическая этика Платона: Феноменологическая интерпретация «Филеба». СПб., 2000.

²⁸ Термин «типы» для экземплиризации «логик различия» используется также у Ларюэля: «Историко-систематические модусы Различия — это не виды некоторого рода, подобной общности не существует; это конкретные и нередуцируемые типы. ... Общими для этих типов (хотя даже это слово, вероятно, слишком сильно) являются способы философского мышления». (*Laruelle F. Philosophies of Difference: A Critical Introduction to Non-Philosophy. New York: Continuum, 2010. P. 9, 11.*)

²⁹ На этом основании вместо «постницшеанской» далее говорится также о «ницшеанской» волне, если нужно учесть позицию Ницше.

Карл Шмитт, негативно отзывавшийся о Ницше, но ставший важным ориентиром для многих постницшеанцев³⁰. Существенны не персоналии: волна принципиально не ограничивается доменом академической мысли. Постницшеанская волна — интеллектуальный срез широкого социально-политического *фронта*, линии сдвига, горизонта революционной изменчивости. Цитаты из того же Шмитта удачно иллюстрируют *трансверсальность* волны, т.е. ее неизбежный выход за границы заданных областей бытия. Шмитт, юрист и теоретик права, близок с Хайдеггером и Штраусом, оказывает влияние на Арендт и Деррида, попадает в поле критической мысли Фуко. Шмитт активно участвует в политической жизни Германии 1920–1930 гг., его теоретические изыскания всегда преследуют практическую цель. Можно сказать, Шмитт осуществляет *перевод* между философской мыслью и языком юристов. Слово «перевод» в этой фразе воспринимается как метафора, ведь философы и юристы в Германии той поры разговаривали на одном языке — немецком. Но именно в эту пору как раз на немецкой почве завершается роковое для мысли XX в. разделение двух философских логик и соответствующих им языков мышления. Проблема перевода между этими двумя языками, сосуществующими внутри и помимо границ естественных языков, ничуть не менее радикальна, чем проблема радикального перевода в формулировке У. Куайна³¹. Возможно, вопреки мнению Куайна его

³⁰ Шмитт — исключение, которое подтверждает правило. Он редко упоминает или цитирует Ницше (как и Платона). Более того, Шмитт весьма критически отзываясь о ключевых концепциях Ницше. Например, атеистической темпоральности «вечного возвращения» он противопоставляет «историческую уникальность» христианского события. Серьезнейшие сомнения в правомочности включения Шмитта в «постницшеанскую волну» подкрепляются словами Ж. Батая. В 1937 г. француз протестует против отождествления философии Ницше с идеологией национал-социализма, которая для Батая связана с другим именем: «Карл Шмитт ... олицетворяет собой <национал-социализм>, Шмитт был католиком и всегда оставался чужд влиянию Ницше». Однако с точки зрения типологии интересные результаты обещает сравнение «Политической теологии» Шмитта и «Генеалогии морали» (а также «Греческого государства») Ницше. Быстро выясняется, что Шмитт и Ницше выступают против *одного и того же противника* — рационалистического («платонизированного») христианства.

³¹ Куайн У. Перевод и значение // Слово и объект. М.: Логос, Праксис, 2000. В конце соответствующей главы Куайн сетует, что случай двух языков привлекает к себе меньше внимания, хотя именно здесь семантическая неопределенность получает ясный эмпирический смысл (с. 63). Напротив, случай гетерогенности в родной речи представляется ему тривиальным: успешная коммуникация с соотечественниками объясняется наличием некоторой доминантной переводческой парадигмы, которая «затмевает все остальные» (с. 62). Куайн слишком легко допускает, что эта парадигма не что иное, как «автоматическая, омофонная гипотеза перевода». Отклонение от этого автоматизма квалифицируется им как вычурный

проблема перевода только и становится по-настоящему любопытной, если рассматривать ее не на примере пары «естественных» языков, а на примере логических неоднородностей политического слова: если видеть себя не лингвистом среди аборигенов, а гражданином среди сограждан или — не менее фантастический сюжет — если учитывать возможности взаимной мутации политика и первооткрывателя-колониста. Проблема *такого* перевода занимает центральное место в нашем исследовании. Как сказано выше, Шмитт некоторым образом решает эту проблему, поэтому нельзя обойтись без ссылки на его мысль. Но, будучи безупречным юристом, он показал пределы языка правоведов. Проблема перевода решилась у него отрицательно: восторжествовала фатальная неперево-димость между речью о политике на языке смертных и на языке бога.

Во всяком случае, трансверсальность волны проявляется в характерном для нее понимании бытия, не совпадающем с «легальной» трактовкой реальности, к которой апеллируют правоведы. Происходит терминологический сдвиг: в центре внимания «политическое» (субстантивированное прилагательное), а не традиционная «политика» институций, партий, юристов. Волна *трансгрессивна*. Она преодолевает все обозначенные пределы, в том числе пограничные линии государств: люди, захваченные одной эпохой, лучше понимают чужую речь современников в других странах, чем родную речь предков или потомков. Так, типичный русский постнищанец — Н. Бердяев, для которого «Заратустра» — «величайшая человеческая книга без благодати»³². Он мыслил в логике, которая ниже называется логикой различия, его книга «Философия неравенства» — ясное тому подтверждение. Отношение к Платону показательно двусмысленное: Платон для Бердяева — философ свободы, но сам платонизм как учение о завершенности космоса «превращает мировой процесс в комедию и лишает человека реальной активности и реальной свободы»³³. Еще один антиплатоник и нищанец — Л. Шестов — заслужил симпатию Делеза и предвосхитил неизлечимо субверсивный стиль послевоенной европейской мысли.

Ницше изображает Сократа сверхчеловеческой силой (*dämonische Macht*), явившей себя в греческом мире наряду с двумя божественны-

«каприз». Однако исправно функционирующий автоматизм и есть репрессивная нормализация любых отклонений. Это замкнутый логико-политический круг. Семантический каприз частного лица по своей девиантной логике неотличим от озарений вождя народов, но имеет совершенно иные политические последствия. Успешная коммуникация с соотечественниками — эквивалент гражданского мира, вовсе не гарантированного.

³² Бердяев Н. Смысл творчества. М., 1916. Глава II.

³³ Там же. Глава III.

ми, аполлонической и дионисийской: «Сократ — поворотная точка и ось всемирной истории»³⁴. Сократ — сила, тенденция, не просто человек. «Дегуманизация», выключение человеческого в Сократе, — это условие включения человека Сократа в «большую историю». Сила исключительна, «поворотных точек» мало. Типичные, хотя и не единственные, поворотные точки постницшеанской волны — Платон и Ницше. История мысли — борьба сил, динамика. Такая мощная сила, как платонизм, определяет историю на тысячелетия. История распадается на области непрерывного доминирования силы и на «поворотные точки» возникновения новой силы, изменяющей ход истории. Замечание Ницше о том, что его философия есть перевернутый платонизм, не просто отсылка молодого профессора-классика к античным реалиям, а заявка на передел истории. История у Ницше линейна: от Сократа до самого Ницше сохраняется линия доминирования платонизма или христианства (т.е. вульгарного платонизма).

Схема Хайдеггера также линейна, но он приписывает мысли размах, или «горизонт»: та или иная слабая мысль остается в горизонте другой, более сильной. Слабая мысль не способна выйти за пределы окружности, центр которого удерживает сильная мысль. Удержание — *ἐποχή* по-древнегречески. Хайдеггер рассуждает о смене «эпох», периодов господства той или иной мысли. Ранний Деррида также пишет об «эпохе Руссо»³⁵. Несмотря на линейное подобие историко-философских карт, которыми пользуются Ницше и Хайдеггер, между ними есть разница. Критика Ницше у Хайдеггера начинается с истории философии. Соперничество проявляется уже в выборе поворотных точек. Лекционный курс Хайдеггера о «Софисте» Платона (1924/1925) — показательный пример сдвига поворотной точки. Неожиданным введением к интерпретации диалога становится двухсотстраничный комментарий к Аристотелю³⁶. Ученик, по мысли Хайдеггера, придал недостающую строгость мысли учителя, «преододел ее»; в итоге «поворотной точкой» становится Аристотель, а не Платон. Усилий Ницше, затраченных на преодоление платонизма, оказалось недостаточно. Ницше сам превращается в «раз-

³⁴ Ницше Ф. Рождение трагедии, § 15.

³⁵ Деррида Ж. О грамматологии. С. 111. См. также: *Derrida J. Nous autres grecs // Nos Grecs et leurs modernes*. Paris, 1992. P. 256–257.

³⁶ Хайдеггер объясняет, что позднейшие мыслители способны понимать ранних мыслителей лучше, чем те понимали сами себя. Эта мысль кантовская (*Кант И.* Критика чистого разума. А314/В370). Хайдеггер мог воспринять ее и через неокантианца П. Наторпа, с которым общался в Марбурге (см. об этом: *Gadamer H.-G. Philosophische Lehrjahre*. Frankfurt: Klostermann, 1977. S. 67–68). См. введение в издание: *Natorp P. Platons Ideenlehre*. Leipzig: Meiner, 1903.

нужданного платоника»³⁷, задача преодоления платонизма оказывается для ее автора непосильным бременем.

Хайдеггер признает заслуги Ницше, чтобы размежеваться с ним. Ницше признает заслуги Платона, чтобы объявить войну платонизму (в книге «По ту сторону добра и зла»). Сходно поступает Арндт, выявляя пробел в хайдеггеровской интерпретации Аристотеля: Хайдеггер читает «Никомахову этику», но не уделяет должного внимания понятию «фронесис» («благоразумие», «предусмотрительность»)³⁸. В результате найдена новая поворотная точка (в данном случае не мыслитель, а ключевое понятие), благодаря чему показана политическая беспомощность хайдеггеровской мысли. Штраус — вновь исключение, подтверждающее типологию. По его мнению, преодоление платонизма в Новое время — результат заблуждения, в основе которого неверное прочтение греков. Нужно понять греков так, как они сами себя понимали, т.е. вернуться в горизонт античной политической мысли. Штраус снимает с историко-философской карты все постклассические «поворотные точки»³⁹.

Типичная для волны историко-философская аргументация — частный случай логики утверждающего отрицания, о которой говорится ниже. Борьба идет не между конкурирующими высказываниями (А или не-А), а между «поворотными точками»⁴⁰. Неизбежны двусмысленности: для Ницше платонизм — худшее, что случилось с Европой, но Платон — величайший мыслитель⁴¹. Волнующая Ницше проблема никак не связана с законом противоречия. Она формулируется иначе: является ли Платон «поворотной точкой», состоятельна ли его мысль? «Поворотная точка» лишена плюса или минуса: она — разрыв, аномалия. Нанесение точки на карту равносильно признанию и одновременному объявлению войны. Преодоление сильной позиции всегда вторично к признанию ее силы. Недаром деконструкцию платонизма Деррида начинает с критики небрежных читателей, не способных оценить мысль Платона.

³⁷ Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Время и бытие. 1993. С. 355.

³⁸ Тот же пробел фиксирует другой слушатель этих лекций — Гадамер — в книге «Истина и метод», а также в воспоминаниях о лекциях Хайдеггера 1920-х годов.

³⁹ Предварительно, в финале своего раннего текста Штраус совершает обратный переход между двумя поворотными точками Нового времени: от Шмитта к Гоббсу (*Strauss L. Notes on Concept of the political // Schmitt C. Concept of the political. P. 107 [35]*).

⁴⁰ Этого не учитывают аналитические интерпретации, работающие с отдельными высказываниями.

⁴¹ «Все это вина Платона, Платон величайшее несчастье Европы» (Ницше. Письмо Францу Овербеку, 9 января 1887 г. Цит. по: *Nietzsche Fr. KSB. Bd. 8.9*). Ср.: Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Предисловие.

Полемический характер историко-философской картографии смягчается у французов. Актуальная эпоха у них обладает широким горизонтом⁴². Делез пишет в книге о Ницше: «Смерть Бога — это событие со множеством смыслов». И действительно после войны во Франции возникает целый ансамбль «философий», правда, говорящих на одном языке и думающих в одной логике. Линейность истории мысли, подталкивавшая к конфликту, была оставлена в прошлом во имя «философской дружбы», но типология «поворотной точки» все равно возвращается. В истории философии, по версии Делеза, допустимо считать «поворотной точкой» сразу двух философов, живших в разное время. Делез говорит, например, о «великой тождественности Ницше—Спиноза»⁴³.

Деррида отказывается от «эпох» мысли, деконструирует саму направленность философской преемственности, но некоторые его историко-философские рассуждения сохраняют типологию «поворотной точки»⁴⁴. Фуко в своих поздних лекциях вполне по-ницшеански исследует греческую генеалогию парресии, т.е. «откровенной речи». Вновь «поворотная точка» — Сократ, после которого в истории возникает бифуркация. По линии Платона происходит становление патерналистской политики. Фуко ожидаемо преодолевает платонизм, отдавая приоритет маргинальной линии «воинствующей жизни», восходящей к Диогену-кинику.

Не прошло и ста лет, как сбылось пророчество Ницше об эпохе «свободных умов», к которым он сам обращался «неизвестные друзья». В конце XX в. слово дружбы звучит уже громко и определено: Делез и Гваттари «Что такое философия?» (1991), Деррида «Политика дружбы» (1988; 1993). Рассредоточивается полемическая линейность истории, вводятся прежде не размеченные временные пространства, непересекающиеся, позволяющие расходиться друг с другом эоны мысли, «тысячи плато», свободно сосуществующие рядом. Зонтик общей «эпохи», наигранная дружелюбность — знак, который можно принять за слабость⁴⁵.

⁴² Ср. сомнения Декомба: «Современную французскую философию» нельзя отождествить ни с эпохой в развитии философии, ни с какой-либо одной школой» (Декомб В. Современная французская философия. М., 2000. С. 8).

⁴³ Цит. по: Фокин С.Л. Делез и Ницше // Делез Ж. Ницше. СПб., 1997. С. 156.

⁴⁴ «То, что Ницше предпочитает сократический момент платоновскому, в конечном счете обнаруживает консерватизм его понимания истории. Если Ницше стремился превзойти Сократа, вернувшись в предшествовавшую ему эпоху, то Деррида показывает, как пренебрежение к Платону приковывает Ницше к той самой традиции, от которой он пытается освободиться» (Leonard M. Athens in Paris. Oxford University Press, 2005. P. 198).

⁴⁵ Марголис и Рокмор в предисловии к английскому изданию (1989) скандальной книги В. Фариаса «Хайдеггер и нацизм»: «Во Франции есть отчетливая тенденция заниматься серьезными и систематическими размышлениями в тени

Но это ошибка: на культивирование демонстративной слабости были затрачены огромные интеллектуальные усилия.

СПЕКТРАЛЬНЫЙ РАСКЛАД

История мысли для волны — проекция борьбы сил, политики. Взаимное соперничество мыслителей насыщено агональной дружественностью. Но случаются моменты крайней дифференциации, когда сближение позиций невозможно. Волна разбивается об историческое препятствие, превращается в радикальный спектр враждебных позиций. Такого рода необходимый барьер уместно назвать «реальностью философии» (термин Фуко). Реальность постнищанцев наполнена событиями революционных, национальных, студенческих и освободительных движений. Критическое значение приобретает вопрос нацизма.

Скандалные обстоятельства биографии Хайдеггера хорошо известны⁴⁶. Здесь достаточно упомянуть его членство в нацистской партии и весьма ангажированное участие в революции на раннем этапе 1933–1934 гг. У Арндт совсем иная судьба: после допроса в гестапо она уезжает во Францию, где в канун немецкой оккупации две недели сидит в концлагере на границе с Испанией. Арндт удалось спастись, она покидает Европу. В 1951 г. выходит ее книга «Истоки тоталитаризма» с беспощадной критикой нацистского режима.

Французские постнищанцы — приверженцы левых взглядов: от крайних (Делез) до умеренных (Деррида). Делез симпатизирует активистам Фракции Красной Армии. Фуко становится правозащитником («Группа информации о тюрьмах»), приветствует иранскую революцию 1979 г.

В начале 1930-х годов молодой Штраус работает в Париже по стипендии, полученной при содействии Шмитта. Позже Штраус перебирается в США, ведет академический образ жизни: преподает в Чикагском университете, занимается изучением классиков. В отличие от сочинений Арндт, его «товарища» по эмиграции⁴⁷, тексты Штрауса обращены к

одной-единственной позиции, в тени образцового мыслителя (master thinker), который доминирует над всякой философией, обеспечивая концептуальный горизонт, внутри которого различные позиции, методы и контрметоды приобретают отчетливо диалектическую форму» (*Farias V. Heidegger and Nazism. Temple University Press, 1991. P. xiii*).

⁴⁶ См., например: *Сафрански Р. Хайдеггер: германский мастер и его время. М.: Молодая гвардия, 2005.*

⁴⁷ Параллельные линии биографий Арндт и Штрауса, двух еврейских эмигрантов из Германии, преобразивших ландшафт американской политической мысли, рассматриваются в сборнике: *Hannah Arendt and Leo Strauss: German émigrés and American political thought after World War II / Ed. by P. Graf Kielmansegg et al. Cambridge, 1997.*

избранным. Он совсем не публичный интеллеktуал, а создатель влиятельной университетской школы штраусианцев. В 1988 г. (т.е. одновременно с выходом книги В. Фариаса о Хайдеггере) Ш. Друри издала книгу-предупреждение о пагубном влиянии Штрауса на американскую политику⁴⁸. Тогда выводы канадской исследовательницы показались преувеличенными. Но в начале нового века разразилась буря: заговор штраусианцев стал публичной темой, обсуждавшейся на страницах популярных газет. Штраус, умерший еще в 1973 г., был объявлен «крестным отцом неоконсерватизма». Американское вторжение в Ирак было названо практической реализацией его тайной политической доктрины⁴⁹.

В контакте с исторической реальностью типология нарушается. Некогда единый поток расщепляется на крайние, взаимоисключающие позиции в политическом спектре. Предсказуемый побочный эффект — оценки Платона в антиплатонической волне так же диаметрально расходятся, если фиксировать их место на политической карте. Хайдеггер усматривал в платоновском учении об идеях исток европейского либерализма (понимаемого как политическая сила, а не просто направление мысли)⁵⁰. Арндт, напротив, пытается найти в антидемократизме Платона исток тоталитарных феноменов современности.

Волну и спектр необходимо строго различать, по крайней мере, до тех пор, пока мы не приблизились к постановке проблемы перевода, о которой шла речь выше. Различение спектра и волны соответствует вводимой Шмиттом оппозиции парламентаризма и демократии⁵¹. Парламентская система рационализирует и представляет «волю» народа, превращает шум толпы в многоголосие, приводимое к политической гармонии. С точки зрения «спектра» представленных в парламенте сил, они «спасают» подзаконный иррациональный активизм волновых движений для этаблированной политики. Волна считается политически

⁴⁸ См. переиздание: *Drury Sh. The Political Ideas of Leo Strauss. (Updated Edition). Palgrave Macmillan, 2005.*

⁴⁹ Обстоятельства скандала, претензии Друри, апологетика штраусианцев представлены в изданиях: *Minowitz P. Straussophobia. Lexington Books, 2009; Zuckert C., Zuckert M. The truth about Leo Strauss. The University of Chicago Press, 2006.*

⁵⁰ «Если толковать идеи как представления и мысли, в которых заключены ценность, норма, закон, правило, поскольку идеи понимаются как нормы, то субъект этих норм человек, но не исторический человек, а человек вообще, человек в себе или человечество. Человек понимается при этом как разумное существо. В Просвещении и либерализме это понимание достигает определенной формы. Именно здесь исток всех сил, с которыми сегодня нужно вести борьбу» (*Heidegger M. Vom Wesen der Wahrheit // GA. Bd. 36–37. S. 166*).

⁵¹ *Schmitt C. Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus [1926]. Berlin: Duncker und Humblot, 1985.*

«бессодержательной» в силу своей непредставленности в партийном спектре⁵². Это циклический аргумент. Ведь сам европейский парламентаризм возникает после «волны» или «потока демократии» («die Flut der Demokratie»), перед которым в XIX в. не устояла ни одна политическая «дамба»⁵³. Волна молчит, но лишь потому, что говорит на языке, который не признается подлинным языком.

ДВЕ ЛОГИКИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Оппозиции — волна/спектр, демократия/парламент — свидетельствуют о расщеплении речи на два языка, замкнутых в единой реальности. У этих языков нет заранее известных носителей — по образцу куайновских лингвистов-колонистов и аборигенов. Разноречие, пронизывающее все сферы, не ограничивается только политикой или только философией. Сегменты смешиваются.

Политическое или экономическое одновременно становится философским. Характерно замечание Бадью: «Делез питал презрение к обсуждениям. Он ... огорчил чувствительные души, для которых обсуждение свидетельствует о том, что философия схожа с парламентской демократией. Ни Делез, ни я не верим в это сходство»⁵⁴. Политическая философия Бадью и Делеза сопротивляется спектральному раскладу, без которого невозможны парламентская демократия, рациональная дискуссия, нормальные процедуры легальной политики.

Однако ошибочно полагаться на аморфный «иррационализм» волновых движений. Волновой фронт отличается строгой, если не изощренной, формализацией. Философская ситуация XX в., с ее четким океаническим водоразделом между двумя ведущими тенденциями мысли, уникальна тем, что трансверсальная линия противостояния не только рассекает сферы политической жизни, «содержательной» философии, этики или эстетики, но доходит до самой логики, до борьбы за логос. Конфликт мыслится как логический уже в первый момент разрыва. С логики он начинается, постепенно захватывая все сферы, включая политику. Генеалогический исток становится политическим априори: волновая и спектральная трактовки бытия фундируются двумя несоизмеримыми логиками и черпают ресурсы в логических успехах. Политика

⁵² «[Традиционная политика уверена:] Если плодами демократии могут воспользоваться любые политические направления, то представляется доказанным, что у самой демократии нет никакого политического содержания». *Schmitt C. Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus* [1926]. Berlin: Duncker und Humblot, 1985. S. 32–33.

⁵³ Ibid. S. 31.

⁵⁴ Бадью А. Делез. Шум бытия. М., 2004. С. 29.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Глухов Алексей Анатольевич — философ, переводчик, доцент кафедры практической философии философского факультета НИУ ВШЭ, выпускник механико-математического и философского факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова. Обучался на философском факультете Университета Карлсруэ (Германия), защитил в ИФ РАН кандидатскую диссертацию на тему «Политическая логика Платона».

Сфера научных интересов: логики мышления, древнегреческая и современная западная философия, философская политика, метафизика. Актуальные исследовательские темы: метафизический смысл «логического поворота», новая либеральная теория, «конституция свободы».

Gloukhov, A.

Overlapping Waves. Political Logic of Plato and the Post-Nietzschean Overcoming of Platonism [Text] / A. Gloukhov; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2014. — 584 p. — (Political Theory). — 1000 copies. — ISBN 978-5-7598-1078-0 (hardcover).

The book is dedicated to the political logic of the ancient Greek philosopher Plato, and Platonism's reception among the post-Nietzschean philosophers of the 20th century (Martin Heidegger, Hannah Arendt, Leo Strauss, Michel Foucault, Gilles Deleuze, and Jacques Derrida). The author proposes a series of new methods of historical and philosophic analysis, and a typology of political thought in continental and analytical traditions. He reviews the newest trends in studying ancient political life, offers thorough and detailed commentary on Plato's Republic, and analyses the key anti-Platonic texts of post-Nietzschean philosophers that had a great impact on the development of a continental philosophy in the 20th century. The author formulates the main political problem — the mutual untranslatability of the languages of freedom and justice — which has remained in force throughout the entire history of European thought.

The book is intended for upper-level undergraduate students and postgraduate students of the Faculty of Philosophy, professional researchers of political theory, as well as for anyone interested in the history of the formation of modern philosophical and political thought, its current problems, and prospects for development.

Научное издание
Серия «Политическая теория»

АЛЕКСЕЙ ГЛУХОВ

ПЕРЕХЛЕСТ ВОЛНЫ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА
ПЛАТОНА И ПОСТНИЦШЕАНСКОЕ
ПРЕОДОЛЕНИЕ ПЛАТОНИЗМА

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА
Редактор
НАДЕЖДА АНДРИАНОВА
Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Верстка
НАТАЛЬЯ ПУЗАНОВА
Корректор
НАДЕЖДА АНАНЬЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 17.12.2013. Формат 70×100/16
гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 47,5. Уч.-изд. л. 39,5
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1684. Заказ №

Отпечатано
в ППП «Типография «Наука»»
121099, Москва,
Шубинский пер., 6

